

Новая газ.

строительстве государства, то видно, как в них то и дело мелькают большевистская прямолинейность, примитивность, кавалерийские наскоки...

— Которые, однако, многие граждане принимают на ура... А как вы относитесь к поискам национальной идеи?

— Ну, удвоить внутренний валовой продукт — это будет самая лучшая идея (улыбается). Наше движение к демократии — это движение к изменению нашей ментальности. Это очень сложный, медленный процесс, нужно, чтобы его все время активизировали, и особенно в пространстве культуры.

— А что можете сказать по поводу театральной реформы?

— Наверное, то же, что говорил президенту. Что мы, конечно, должны думать о материальных составляющих системы культуры, но нельзя экономически просчитать, к примеру, какую пользу приносит «Война и мир» Толстого. Я надеюсь, что экономическое давление на театр ослабнет. Нельзя переносить закономерности машиностроения на искусство.

— Во многих спектаклях вы поднимаете проблему власти и личности. Как вы решаете эту проблему для себя?

— По-моему, надо брать пример с высоких образцов. Пушкин жил при двух императорах. И на Александра, и на Николая он писал эпиграммы, подвергал их свободным оценкам свободного человека. И тем не менее этот свободный человек с легкостью шел на контакт, не превращался в отшельника, а пы-

ИТАР-ТАСС

Захаров Марк Александрович

28.06.06

Марк Анатольевич Захаров, соединяя профессию режиссера с навыками психотерапевта, идеолога и управленца, от премьеры к премьере создает феномен безусловно успешного театра, который в этом году будет отмечать свой 80-й сезон. О сегодняшнем «Ленкоме» и о том, что происходит за его пределами, мы беседовали с художественным руководителем и главным режиссером театра.

— Марк Анатольевич, в чем для вас как для художника заключается успех?

— Если мне удастся привнести что-то новое на сцену, если сцена и зал образуют единое энергетическое поле — вот тогда появляется кратковременное ощущение радости и успеха.

— Вы вывели для себя формулу абсолютно выигрышного спектакля?

— Пожалуй, нет. Но у меня есть образцы. «Юнона и Авось» — спектакль, который отмечает свой 25-летний юбилей, — конечно, к такому относится. Уже сменилась пятая Кончита, а история о прекрасной и трагической любви продолжает волновать зрителя. Нам удалось сохранить его после трагедии, произошедшей с Николаем Караченцовым. Дмитрий Певцов, возможно, не может вполне восполнить потерю, но заслуженно пользуется успехом у зрителей. Надеюсь, что Александр Лазарев тоже войдет в этот спектакль.

— Чем вы увлечены сейчас?

— Работой с Геннадием Хазановым, который окончательно покинул эстраду и приехал к берегам современного психологического театра. Я не ожидал от него таких возможностей, которые вижу теперь в спектакле «Город миллионеров». В этой третьей по счету интерпретации Эдуардо де Филиппо Хазанов и Чурикова составляют, по-моему, очень интересный ансамбль. Я рад, что Хазанов обнаружил в своем организме новые энергетические ресурсы.

— Как вы для себя определяете ремесло режиссера?

— В какой-то степени это путь самопознания. Вслед за Бердяевым распознавать, как много у нас химер, которые нас душат и мешают нам жить, — это очень интересно и плодотворно для работы. Я часто прихожу к выводу, что мы слишком раздражительны, капризны, что нам всем обязательно нужен враг. Что мечта булгаковского Шарикова у нас, в России, еще властвует: все отнять, поделить и быть счастливыми в примитивном равенстве. Или вот проще пример. Когда у меня первый раз появился студент с серьгой в ухе, я месяц работал над собой, стараясь его полюбить. Я все-таки с собой справился, но то, что это вызвало раздражение, было для меня тревожным знаком.

Будучи режиссером, ты должен постоянно что-то из себя извлекать, черпать в себе нечто такое, чего сам о себе не предполагал. Меня в свое время поразило признание Гоголя в том, что вереница помещиков в «Мертвых душах» — это все химеры, сидящие в нем самом.

— Менялось ли со временем понимание профессии?

— Ну, с того времени, когда я выбегал в массовках китайцем или негром и крайне удивлялся, что за это мне еще платят деньги, конечно, что-то изменилось (смеется). Эйфория естественным образом ушла, но главное в понимании профессии осталось. Дарить росточки добрых начал, добрых представлений о человеке, о жизни — наверное, это и есть главное. А еще я обнаруживаю странную вещь — в плане карьерном. Все

меньше людей хотят быть главным режиссером. Если раньше этот статус был сродни генеральскому по важности и удовлетворению амбиций, то сейчас все иначе. Очевидно, теперь здесь нужен не только режиссерский талант, но и менеджерские навыки.

— Театры Москвы, в вашем представлении, составляют единый театральный процесс или существуют разрозненно?

— Мне кажется, что театры — как сообщающиеся сосуды. Чья-то большая удача, открытие непременно обогатит общее театральное пространство. Например, такие спектакли, как «Пластелин» Серебренникова — без сомнения, дают новую координату всему нашему театру. Конечно, наряду с большими удачами существуют явления, на мой взгляд, вредительские. Общаюсь со студентами театральных вузов, я называю эти явления провинциальным авангардизмом — это такое штукачество, которое могут простить разве что близкие люди и некоторые зрители из зала на 50—60 человек. Самодисциплина режиссера уходит, и в лучшем случае его спектакль может просто оказаться награждением постановочных трюков. Складывается ощущение, что происходит обмен очень интересной информации

Сближение с властью — это шаг к свободе

Марк ЗАХАРОВ: «По-моему, надо брать пример с высоких образцов. Пушкин жил при двух императорах»

ей, но температура этого обмена остается постоянной и не происходит динамики. А эта динамика движения человеческого образа, психологическая глубина — очень важны. Эмоциональную стапичность часто пытаются компенсировать эпатажем, социальной остротой, но этого для театра мало. По крайней мере для театра со зрительным залом в 800 человек.

— Как «Ленкому» удается сохранять традиционность и в то же время быть модным?

— Думаю, здесь дело в чутком взаимодействии с теми процессами, которые происходят за стенами театра. Слышать, что говорят люди, видеть новые настроения, предчувствия, разочарование общества и, конечно, его радости — всё это позволяет оставаться в русле, не превращаться в замкнутую секту. Плюс — труппа, которая формируется в «Ленкоме» по принципу коллекционирования

индивидуальностей. В нашем театре есть какая-то питательная среда, в которой развиваются интересные и популярные фигуры.

— Должен ли театр быть трибуной какой-либо идеологии?

— Безусловно, «Ленком» затрагивали и политика, и то, что сегодня без сильной брожение, которое было в обществе в советское время и в период перестройки. Мы переносили на сцену идеи, носящиеся в воздухе. Вспоминаю, как в спектакле «Диктатура совести» по Шатрову рушились декорации и открывалось какое-то новое пространство, в которое мы звали зрителя. Мы отдали дань публицистике, но теперь она должна быть спрятана глубоко, не должна

быть навязчивой. Ни в коем случае нельзя декламировать, как в свое время делала с успехом Таганка.

— Вместе с «голой публицистикой» ушла и потребность театра в больших идеях?

— Не совсем так. Дело в том, что сегодня без сильной корневой политической или социальной идеи, наверное, наш театр вообще не может существовать. Скажем, спектакль «Город миллионеров» построен на тех ценностях, которые в Америке называются семейными. И когда эти ценности преподносятся зрителю не плакатно, а в художественной увлекательной форме, тогда возникает зрительский восторг.

— А как можно сформулировать «корневую идею» «Ленкома»?

— Она осталась прежней, только потеряла публицистический запал. Стремление построить гражданское общество, не теряя своего достоинства, гордости и жизненных радостей, понимая, что этот путь очень тяжел, — вот, пожалуй, базис, на котором решаются уже другие вопросы.

— Что в России мешает развитию гражданского общества?

— Наши корни, наше подоснование. Это и позднее освобождение от феодального рабства, и годы рабства советского. Словом, некая родовая травма. Вот если посмотреть на сегодняшние политические акции в

таля с ними взаимодействовать. Думаю, когда Захаров проявил инициативу и послал в брежневское Политбюро свои проекты и предложения, это был шаг свободы и готовности идти на сближение, несмотря на разногласия. Это путь наиболее мне близкий. Не стоит впадать в вечное критиканство и бичевание, нужно быть человеком свободным и идти на контакт.

— Оглядываясь на пройденный путь и смотря в будущее, какими вопросами вы тревожитесь?

— Я задумываюсь над вопросом, мучительным для любого творческого человека: чего ты добился сам, а что с тобой просто случилось. Я так и не могу провести границу между моими заслугами и удачным стечением обстоятельств. Тот груз ответственности, который берет на себя любой сочинитель, создавая новую художественную идею, заставляет над этим вопросом задумываться. Что еще меня беспокоит — это та большая социальная, политическая идея, которая всегда должна быть в основе театра. Что она даст и куда приведет...

● Беседовала Ксения ГОДУНОВА

Когда у меня первый раз появился студент с серьгой в ухе, я месяц работал над собой, стараясь его полюбить